

DOI 10.35775/PSI.2026.133.4.005

УДК 93/94

И.В. УПОРОВ

доктор исторических наук, кандидат юридических наук,
профессор, Российская академия естествознания,
Россия, г. Краснодар

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА СЕРЕДИНЫ 1960-Х ГОДОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК И РЕЗУЛЬТАТОВ

В 1965 г. в СССР было объявлено о начале экономической реформы, направленной на повышение эффективности деятельности хозяйствующих субъектов, и прежде всего речь шла о социалистических промышленных предприятиях (вышли соответствующие постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР), при этом основанная направленность преобразований заключалась в расширении самостоятельности предприятий, усилении материального стимула работников, введении хозрасчетных отношений. В статье рассматриваются особенности политэкономического теоретического осмысления предпосылок этой реформы (с 1950-х гг.) и результатов (конец 1980-х – начало 1990-х гг.). Приводятся суждения ряда советских экономистов, отношение к перспективам экономического развития Сталина, Хрущева, Брежнева, Горбачева, анализируются соответствующие научные труды. Отмечается, что реформа 1965 г. (обычно именуемая «косыгинскими реформами») обуславливалась сложными явлениями в советской экономике начала 1950-х гг., и необходимость модернизации была доминирующей. Но методы, средства, сроки вызывали споры. В итоге партийно-советская власть решила, оставаясь в рамках социалистического типа экономики, внедрять некоторые элементы рыночной экономики. Однако такой подход не оправдал себя, и на рубеже 1990 г., уже в конце «перестройки», пришлось выбирать между монопольно-обязательной коммунистической идеологией и рыночной экономикой; выбор был обусловлен распадом СССР, и во всех бывших союзных республиках был сделан в пользу капитализма.

Ключевые слова: экономика, реформа, социалистическое предприятие, хозрасчет, самостоятельность, рыночные отношения, социализм, экономическая теория.

После окончания Великой Отечественной войны и периода основного восстановления народного хозяйства (середина 1950-х гг.), когда также требовалась повышенная мобилизация трудовых и иных ресурсов, наступил период относительной стабильности в развитии СССР как государства социалистического типа [17]. Сложное положение в экономике требовало иных, чем до этого, и более эффективных методов регулирования экономических отношений. Еще при Сталине немногие советские экономисты-теоретики, не согласные хором

петь прославлять мудрые сталинские политэкономические мысли, пытались донести до общества свою позицию (с учетом, разумеется, цензурно-идеологических ограничений). Так, Л.Д. Ярошенко в дискуссии при обсуждении рукописи учебника по политэкономии (1951 г.), а затем и в записке в Политбюро ВКП(б), полагал, в частности, что «схема воспроизводства Маркса, разработанная для капиталистического хозяйства, не соответствует экономическим законам социалистического общества и не может служить основой для изучения социалистического воспроизводства ... в условиях социализма и коммунизма не существует потребности отраслей народного хозяйства в рабочей силе, а существует потребность людей, работников в отраслях хозяйства. Человек как цель экономического прогресса, а не абстрактная производительная сила или трудовой ресурс – вот что должно определять доминанту в развитии и экономической теории, и хозяйственной практики» [21. С. 84].

Но подобного рода отходы от сложившихся канонов, исходящих от вождя всех народов, вызвали критику самого вождя – по следам указанной дискуссии Сталин в своем известном труде «Экономические проблемы социализма в СССР» подверг жесткой критике высказывания Ярошенко, и особенно его тезис о том, что «коммунизм есть рациональная организация производительных сил, которая исчерпывает существо коммунистического строя» [18]. В итоге Ярошенко был репрессирован (в 1953 г., после смерти Сталина, он был освобожден), и попытка определить иное, отличное от официального (сталинского) мнения по принципиальным вопросам развития социалистической экономики на некоторое время была пресечена.

Однако непростая ситуация в сфере экономики заставляла обращаться к поиску таких путей, причем это стало особенно актуализироваться на рубеже 1960 г. Другое дело, что советские политические «начальники» были заложниками политико-идеологической доктрины, закреплённой в Программе КПСС 1961 г., действующей в то время Конституции СССР 1936 г. и других партийных и документах. Вместе с тем режим «оттепели», который сложился после смерти и поддерживаемый новым лидером СССР Н.С. Хрущевым, позволил вернуться к дискуссиям по дальнейшему развитию советской экономической политике, и уже не столько по теоретико-политической, сколько по управленческо-практической проблематике – каким образом советскую экономику, сохраняя непреложные социалистические принципы хозяйствования (общегосударственная собственность на средства производства, плановость, запрет частного предпринимательства и т.д.) заставить ускореннее двигаться вперед. Тон дискуссии задал ряд публикаций харьковского экономиста Е.Г. Либермана, который считается автором концепции «косыгинских» реформ 1965 г., последовательно выступавший за активное внедрение в социалистическую экономику стимулирующих методов, и прежде всего хозрасчета, о чем свидетельствовали его научные труды.

Ключевой стала статья этого автора в «Правде» от 9 сентября 1962 г. с характерным названием – «План, прибыль, премия». Суть своих предложений Либерман определил следующим образом: «Необходимо найти достаточно простое и вместе с тем обоснованное решение одной из важнейших задач, поставленных в Программе КПСС: построить систему планирования и оценки работы

предприятий так, чтобы они были жизненно заинтересованы в наиболее высоких плановых заданиях ... этого можно добиться, если до предприятий доводить планы только по объему продукции в номенклатуре и срокам поставок» [5]. При этом важнейшая мысль заключалась в том, чтобы что при выполнении и перевыполнении планов предусматривались солидные премиальные вознаграждения. В дискуссии немало советских экономистов в разной степени, но были согласны с этими предложениями (в их числе Н. Антонов, В. Костикин, Е. Сластенко, Л. Круковская, В. Чернявский, Н. Беляк, В.О. Дроздовский, Б.О. Сухаревский и др., которые публиковали свои статьи в СМИ, и прежде всего в «Правде», то есть центральном органе ЦК КПСС.

Анализ публикаций показывает, что такой подход, вероятно, был санкционирован сверху, во всяком случае, предложения Либермана не вызывали у власти имущих отторжения (как, например, идеи Ярошенко у Сталина), более того, они, как мы отмечали, стали теоретическим обоснованием известных «косыгинских» реформ. В процессе дискуссии выявилось, что его участники так и не пришли к консолидированному мнению о том, какие же показатели деятельности социалистических предприятий следует считать важнейшими: прибыль, рентабельность, себестоимость, производительность труда, использование производственных мощностей, объем реализованной продукции по отношению к объему изготовленной продукции и т.д., и в каком соотношении их применять, и в какой иерархии, учитывая, что здесь разброс мнений был весьма широким. Серьезным следует считать и оставшуюся, по сути, неопределенность в вопросе о принципах ценообразования изготавливаемой продукции, поскольку от этого напрямую зависели все другие показатели экономической деятельности предприятий. Но при этом общий итог дискуссии сводился к тому, что необходимо в рамках социалистической системы хозяйствования резко поднять роль экономического стимулирования, для чего расширить хозяйственную самостоятельность предприятий и заинтересовать их не только в перевыполнении основных плановых показателей по объемам и номенклатуре выпускаемой продукции, но и в максимально эффективном использовании основных фондов, внедрении научно-технического прогресса, повышении производительности труда.

И именно в этих направлениях стали проводиться «косыгинские» реформы 1965 г. Однако, нужно иметь в виду, что название реформ как «косыгинских» является, конечно, весьма условным. С точки зрения инициирования и разработки проектов реформы 1965 г. можно было бы именовать и «хрущевскими», поскольку без этого главного «волонтариста» здесь дело не обошлось, и, более того, именно Хрущев неоднократно в своих выступлениях выступал за стимулирующие методы. Но Хрущева в октябре 1964 г. отправили в отставку, и тогда реформы можно было бы назвать «брежневскими», учитывая, что Л.И. Брежнев стал руководителем государства, а до этого, как и все иные представители правящей элиты без исключения, не мог не участвовать в обсуждении экономических отношений и не мог не одобрять реформистской концепции. Однако Брежнев, с другой стороны, в течение своей политико-государственной биографии не был связан непосредственно с экономической деятельностью, и находился некоторым образом в стороне от реформы. А вот Косыгин, будучи заместителем

Председателя СМ СССР при Хрущеве, непосредственно курировал ход подготовки к реформе, разрабатывал практические шаги по ее реализации, а став по главе союзного Правительства при Брежневе, полностью стал ответственным за эти реформы, соответственно в исторической литературе сложилось название реформ как «косыгинские».

В этом смысле трудно согласиться с мнением Е.Г. Ясина том, что «А.Н. Косыгин, как хозяйственник, хорошо понимавший необходимость перемен, сделал реформу условием своего участия в антихрущевском заговоре. Иначе трудно объяснить, зачем на нее согласилась партийная камарилья во главе с Л.И. Брежневым, совершенно чуждая экономическим проблемам, хотя и заинтересованная в доказательстве своей прогрессивности по сравнению с Н.С. Хрущевым» [22. С. 37]. Из этого суждения следует, что Косыгин находился едва ли не в оппозиции к брежневскому окружению, или, во всяком случае, занимал позицию «особняком». Однако этого не было: Косыгин как, судя по всему, порядочный человек, талантливый руководитель, настоящий коммунист и патриот своей советской Родины, служил Отечеству, а не отдельным лицам, и ему, по большому счету, вероятно, было все равно, кто окажется на посту Первого (генерального) секретаря ЦК КПСС, тем более, что принципиальных партийно-идеологических различий между Хрущевым и Брежневым, которые совместно работали не один год, не наблюдалось, и не случайно после отставки Хрущева не проводилось какой-либо партийно-политической ревизии или чистки – произошла лишь смена рулевого в связи со ставшими слишком негативно влиять на свое окружение личностными качествами и явно поспешными, на грани авантюрных, решениями и действиями Хрущева («кукурузная эпопея», «молочные рекорды», мясное ЧП в Рязани, лоббирование совнархозов и др.) в рамках небольшой подковерной интриги в высших эшелонах власти.

Но и эти авантюрные истории не меняли общей позиции советской правящей элиты; уже в начале 1960-х гг. стали ощущаться кризисные явления в экономике (что показывали, например, известные новочеркасские события 1962г., где сотни рабочих вышли на демонстрацию протеста против повышения цен на мясо и масло, и власти пришлось применять оружие для подавления этого спонтанного бунта); и необходимость модернизации экономики понималась абсолютным большинством представителей правящей элиты советского государства. Вероятно, именно этот фактор являлся решающим в определении дальнейшего развития советской государственности, и в этом смысле рокировка Хрущев-Брежнев не имела принципиального значения – ведь речь шла ни много ни мало о выживании вообще социалистического строя, поскольку реформирование экономики предполагало обращение к некоторым элементам капиталистической (буржуазной) общественно-экономической формации – в выдвижении на передний план в деятельности предприятий таких показателей, как прибыль, рентабельность, стимулы, хозяйственная самостоятельность, хозрасчет, что противоречило принятой в 1961 г. новой редакции Программы КПСС, конституционным нормам и другим партийно-политическим документам о постепенном переходе от денежных отношений к натуральному товарообмену и отмиранию

государства и права. А тут, напротив, предлагалось усилить значение товарно-денежных отношений.

И соответствующий переход от преимущественно административных методов управления советской экономикой в масштабе всей страны к преимущественно экономическим методам управления, и прежде всего в промышленности, но при неприкосновенности политико-идеологической социалистической-коммунистической идеологии, был одобрен на сентябрьском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС. Такое решение, однако, было воспринято неоднозначно среди экономистов. Так, в 1966 г. в государственном бюджетном издательстве «Экономика» была издана книга известного в советский и особенно в постсоветский периоды экономиста Г.С. Лисичкина под «страшным» для того времени названием – «План и рынок» [6]. И это был действительно своеобразный вызов – в книге «аргументировалась необходимость использования классического рыночного механизма в качестве полноценного регулятора социалистической системы хозяйства. По мнению Е.Г. Ясина, указанный труд сыграл в экономике примерно ту же роль, что и «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына в литературе. Впервые, слово «рынок» было произнесено не в контексте критики буржуазных экономических теорий, а как обозначение механизма, который следует вернуть в экономику [22. С. 38]. Но одновременно работа Лисичкина была подвергнута критике, поскольку он зашел за те самые «красные флажки», за которыми начинается критика социализма как общественно-экономической формации, чего не позволено было делать ни при Хрущеве в годы «оттепели», ни тем более при Брежневе в период «застоя».

Экономиста Лисичкина не репрессировали, но тема о возможном рыночном (капиталистическом) механизме при социализме была закрыта вплоть до перестройки, когда тот же Лисичкин в своих публикациях вновь обратился к теме рынка и социализма, где, в частности, проводилась мысль о том, что все советские руководители на словах как мантры повторяли марксистско-ленинские постулаты о социализме и коммунизме, а на деле раз за разом вводили элементы рыночного хозяйства, поскольку не видели и не знали других проверенных механизмов оживления экономики [7. С. 171]. Следует сделать при этом важную оговорку о том, что при общей направленности реформ 1965 г. на более широкое применение элементов рыночной экономики, само управление экономикой на всех уровнях (СМ СССР, министерства, предприятия) принципиальных изменений не претерпело – предприятия оставались государственными, в них действовали первичные партийные организации, которые могла «привлечь» к партийной ответственности руководителя предприятия. Все без исключения рабочие, инженерно-технические работники и руководители являлись наемными работниками, и могли быть уволены, руководство предприятия находилось в отраслевой вертикали власти. Такое соотношение показывало очевидные ограничения в использовании вводимых механизмов рыночного характера.

В этой связи В.А. Мау в 1990 г. отмечал, что «в тезисе о сочетании экономических и административных методов управления в реформе 1965 г. приоритет однозначно отдавался вторым ... самостоятельность предприятий еще не была доведена до своего логического результата, предполагающего их право

утверждать план предприятия. Без этого нельзя преодолеть администрирования в планировании, когда вышестоящие органы имеют возможность навязывать необоснованные (и невыгодные) задания» [9. С. 145]. В 2025 г. Н.Ю. Пивоваров по этому поводу отмечает, что «изменения оказались половинчатыми: система управления промышленностью формально стала более централизованной, но по факту министерства были лишены возможности принимать в отношении предприятий жесткие и оперативные решения» [11. С. 89]. Такой подход реформаторов позже, в период гласности (после 1987 г.) и в постсоветский период обрек их на критику, причем как слева, так и справа. Так, ставший приверженником рынка известный экономист Г.Х. Попов, в дискуссии 1988 г. указывал на то, что «сам замысел реформы 1965 г. заключал идею полюбовного мира экономического и административного. Попытка эта завершилась победой той стороны, которая осталась более сильной – административной» [12. С. 624]. Этим автором отмечалась также ошибочность позиции советского истеблишмента того времени в том, что «реформа исходила из идеи, что в стране возможно осуществить коренные экономические преобразования, не затрагивая социальную и политическую сферы жизни общества» [12. С. 631]. В.Н. Лисовицкий пишет о том, что «задуманные реформаторами меры вступили в противоречие с логикой командной системы, движение к рыночным методам регулирования оказалось заблокированным» [8. С. 442]. В этом же ключе мыслил другой известный экономист периода перестройки Н. Шмелев, полагавший, что реформы 1965 г. «захлебнулись потому, что неподвижной оставалась политическая структура общества» [20. С. 394]. Экономист В. Селюнин выражался более определенно и жестко: «Ясно, что ни закона стоимости, ни самой стоимости, ни товарного производства при социализме не будет, социалистический рынок есть эклектическая утопия» [14. С. 209].

Однако политическая система защищалась советской властью вплоть до распада СССР в 1991 г. Так, Н.И. Рыжков, бывший Председателем СМ СССР в перестроечные времена, в своем выступлении на съезде народных депутатов СССР 19 декабря 1990 г. указывал на то, что «приоритет идеологии над экономикой – это не мелочь, не частность, не волюнтаризм, не глупость тех или иных руководителей. Это суть той модели, в которой мы жили, это ее устой» [19. С. 117]. Тогда же ставился вопрос о том, насколько действующая представляет интересам российского народа [18]. Да и последний генсек КПСС М.С. Горбачев также категорически не хотел отказываться от плановой экономики: «Мы не можем допустить этого, так как собираемся социализм укреплять, а не заменять его другим строем. То, что подбрасывается нам с Запада, из другой экономики, для нас неприемлемо. Мы уверены, что социализм, если по-настоящему привести в действие его потенциал, соблюдать его основные принципы, включать в полном объеме интересы человека, использовать преимущества плановой экономики, способен на гораздо большее, чем капитализм ... Нам нужен не чистый доктринерский, выдуманный социализм, а реальный, ленинский социализм» [3. С. 95]. Для этих политиков реформа 1965 г. получила, после брежневского застоя, второе дыхание в период перестройки, но, как показала история, это дыхание оказалось для советской

социалистической системы роковым. Идеология не выдержала испытания экономикой, и место социализма в российском обществе занял капитализм.

Такой финал, конечно же, и в страшном сне не мог присниться «отцам» реформы 1965 г. Но их критиковали в новейшей России и с другого политического крыла. Так, Н. Стариков, в 2016 г. указывает на то, что «колоссальный удар по экономике СССР нанесла реформа Косыгина, которую правильно нужно называть реформой Либермана, по имени ее настоящего автора – Евсея Григорьевича Либермана. И суть реформы, полностью поменявшей экономический уклад СССР и дальнейшая судьба ее автора Либермана, наводят на мысль, что все эти т.н. реформы 1965 года не были случайной ошибкой. А стали первым шагом на пути уничтожения нашего государства Горбачевым и Ельциным» [16]. Помимо этого, можно указать на оценку реформ 1965 г. как на «подпольную акцию». Так, М.Ф. Антонов указывает на то, что «реформа стала не общенародным делом, а почти подпольной, хотя и официально допустимой деятельностью узкого круга руководящих работников разных уровней. Вот они-то от премий не отказывались и весь фонд материального поощрения делили между собой ... Больше денег стало оставаться у предприятий – меньше поступало их в бюджет государства. Пришлось прибегнуть к испытанной палочке-выручалочке – увеличивать производство водки» [1. С. 39]. По мнению известного современного экономиста Е. Гонтмахера, реформы 1965 г. «убило» вторжение советских войск в Чехословакию в 1968 г. [2]. Согласно точке зрения С. Губанова, реформы 1965 г. рассматриваются с позиций «антикризисного управления», имея в виду, что к рубежу середины 1960-х гг. советское государство подошло в кризисном состоянии, и «косыгинские» реформы в этом смысле были единственной возможностью преодолеть данный кризис [4]. А, по мнению Р.Г. Кирсанова, «эта реформа вполне соответствовала логике своего времени. Тем более что на протяжении 1970-х годов экономика СССР, хотя и затухающими темпами, но продолжала расти, в то время как экономика ведущих стран Запада в результате циклического кризиса перепроизводства 1974-1975 гг. оказалась втянута в длительный структурный кризис» [13. С. 106].

Как видно, спустя несколько десятилетий мнения о реформе 1965 г. расходятся. Не будем еще также забывать, что в 1962-1963 гг. академик В.М. Глушков со своим коллективом разработал программу, в основе которой была положена Общегосударственная автоматизированная система, позволявшая более эффективно управлять экономическим процессом, но при этом по сути не затрагивались политико-экономические аспекты. Программа была признана слишком затратной и для общесоюзного масштаба отвергнута с оставлением возможностей внедрения на отдельных предприятиях. По мнению бывшего премьер-министра В.С. Павлова, именно Косыгин после длительных размышлений сделал окончательный выбор в пользу «либерманской» модернизации советской экономики [10. С. 48] и тем самым сделал исторический разворот советской истории.

«Косыгинские» реформы, будучи партийно-правительственными, официальными, в советский период по определению не могли подвергаться критике. С началом «перестройки» в 1985 г. и до настоящего времени эти реформы оцениваются неоднозначно – от одобрения принятых решений до обвинения авторов

реформ в развале СССР, что показывает противоречивость и сложность содержания самих реформ. Потенциал этих реформ работал на советскую экономику в основном в восьмую и девятую пятилетки (1965-1975 гг.), после чего нефтегазовые доходы, благодаря открытию Западносибирских месторождений обильно посыпавшиеся с госбюджет, сделали реформу не актуальной, что, в свою очередь, лишь укорило непрерывное с начала 1960-х гг. падение темпов экономического развития и привело к распаду СССР и упразднению бывшей монополично-обязательной коммунистической идеологии. Но и сейчас, спустя более трех десятилетий, экономика России, будучи формально рыночной, капиталистической, по-прежнему испытывает большие сложности, что показывает необходимость дальнейшего поиска более эффективных методов ее развития, в том числе с учетом отечественного опыта, включая реформы 1965 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Антонов М.Ф. Капитализму в России не бывать! Выход есть! М.: Эксмо, 2005.
2. Гонтмахер Е. В ожидании черного лебедя // Независимая газета. 2016. 15 ноября.
3. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.
4. Губанов С. «Косыгинская реформа»: итоги и уроки // Экономический портал. 2017. 20 февраля.
5. Либерман Е.Г. План, прибыль, премия // Правда. 1962. 9 сентября.
6. Лисичкин Г.С. План и рынок / Под ред. В.А. Морозова. М.: Экономика, 1966.
7. Лисичкин Г.С. Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке? // Новый мир. 1988. № 11. С. 167-190.
8. Лисовицкий В.Н. Евсей Либерман – идеолог «косыгинской» хозяйственной реформы // Историко-экономические исследования. 2016. № 3. С. 433-452.
9. Мау В.А. В поисках планомерности: из истории развития советской экономической мысли конца 1930-х – начала 1960-х годов. М.: Наука, 1990.
10. Павлов В.С. Упущен ли шанс? М.: Терра, 1995.
11. Пивоваров Н.Ю. Реформа Алексея Косыгина и изменение системы управления промышленностью в октябре 1964 – октябре 1965 года // Экономическая политика. 2025. № 5. С. 70-89.
12. Попов Г.Х. Перестройка управления экономикой // Иного не дано. М., 1988. С. 623-632.
13. Реформа Косыгина-Либермана: как совместить план, прибыль и премию // Перспективы / Электронный журнал. 2023. № 2. С. 84-106.
14. Селюнин В. Плановая анархия или баланс интересов? // Знамя. 1989. № 4. С. 209, 218.
15. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Политиздат, 1952.
16. Стариков Н. Реформа, погубившая СССР // Сайт Николая Старикова // <http://nstarikov.livejournal.com/1729643.html?style=mine> (дата обращения: 11.03.2026 г.).

17. Старков О.В., Упоров И.В. Теория государства и права: учебник (3-е изд., перераб., и доп.). Москва, 2012.
18. Упоров И.В., Кузовлева Г.В. Представительство народа (населения) в органах публичной власти: сущность и политико-правовая характеристика // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 30-34.
19. Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Бюллетень № 5. 19 декабря 1990 г. М., 1990. С. 117.
20. Шмелев Н. Новые тревоги // Если по совести. М., 1988.
21. Ярошенко А.Ф. Судьба родовая. (1905-2010). Новосибирск, 2011.
22. Ясин Е.Г. Российская экономика: истоки и панорама рыночных реформ. М., 2002.

I.V. UPOROV

Doctor of Historical Sciences, Candidate
of Legal Sciences, Professor, Russian Academy of Natural
Sciences, Krasnodar, Russia

ECONOMIC REFORM OF THE MID-1960S: A THEORETICAL UNDERSTANDING OF ITS PREREQUISITES AND RESULTS

In 1965, the USSR announced the beginning of an economic reform aimed at improving the efficiency of economic entities, primarily socialist industrial enterprises (relevant resolutions were issued by the CPSU Central Committee and the USSR Council of Ministers). The main thrust of the reforms was to expand enterprise autonomy, strengthen material incentives for workers, and introduce business accounting. This article examines the specifics of the political economy's theoretical understanding of the prerequisites for this reform (since the 1950s) and its results (late 1980s – early 1990s). It presents the opinions of a number of Soviet economists, as well as the attitudes toward the economic development prospects of Stalin, Khrushchev, Brezhnev, and Gorbachev, and analyzes relevant scholarly works. It notes that the 1965 reform (commonly referred to as the «Kosygin reforms») was conditioned by complex phenomena in the Soviet economy of the early 1950s, and the need for modernization was paramount. However, the methods, means, and timing were controversial. Ultimately, the party and Soviet authorities decided, while remaining within the framework of the socialist type of economy, to introduce some elements of a market economy. However, this approach failed to prove effective, and at the turn of the 1990s, at the end of perestroika, a choice had to be made between the monopoly-mandatory communist ideology and a market economy. This choice was necessitated by the collapse of the USSR, and in all the newly formed Soviet republics, capitalism was chosen.

Key words: economy, reform, socialist enterprise, business accounting, independence, market relations, socialism, economic theory.